

Кривко Дарья Андреевна

магистрант

Самарина Ирина Владимировна

канд. филол. наук, доцент

Оберемченко Елена Юрьевна

канд. филол. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

DOI 10.31483/r-97269

**ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИИ
КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ИМПЛИЦИТНОСТИ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ Г. ШРЁДЕРА)**

***Аннотация:** в статье рассматривается феномен эвфемии сквозь призму прагмалингвистического знания. В фокус исследования попадают прагматические основания эвфемизмов, которые рассматриваются как важнейшие компоненты в кодировании имплицитной информации. Авторами также приводится анализ тех прагматических оснований, которые были актуализированы в дипломатических речах Г. Шрёдера.*

***Ключевые слова:** имплицитность, непрямая коммуникация, имплицитная когнитивистика, эвфемия, политический эвфемизм, прагматическое основание, дипломатическая речь.*

В условиях современного общества, где циркулирование информации происходит непрерывно, сведения выступают одним из важнейших факторов, подпитывающих социум. Информация, истинная или ложная, определяет работу механизмов общества как в целом, так и в частности, оказывая колоссальное влияние на индивидуумов. В настоящий момент «монополия» на информационное пространство принадлежит преимущественно СМИ, которые с давних пор придерживаются стратегии не только лишь информирования, но и пропаганды, а также

формирования мнения, что зачастую напрямую связано с общественно-политическими и дипломатическими источниками. Распространение данного явления не могло не повлиять на языковой пласт и дало толчок к возрастанию в употреблении *импликативных единиц*, т. е. внедрению в речь особых лингвистических элементов, обладающих камуфлирующим и/или смягчающим потенциалом.

Понятие «*имплицитность*» понимается современной лингвистикой как свойство информации быть выраженной опосредованно, скрыто, с помощью намеков и быть направленной на формирование конкретного мнения у реципиента [11]. Единицей имплицитности является *импликатура* – квант информации, отражающий подразумеваемые смыслы.

Имплицитность обусловлена архитектурой нашего мышления – столкновение неоднородных структур сознания и речи порождает стремление выражать мысли на неязыковом уровне. Для мышления человека, как и для человеческого сознания, характерна нелинейность т.е. непосредственное восприятие мира через образы, хаотично описывающие действительность, «ухватывающие и увязывающие воедино мозг человека, его тело и окружение» [4]. В то же время известно, что языковые знаки и язык, являются линейными компонентами, поскольку выстраиваются человеком в логическую цепочку: акустические языковые единицы следуют друг за другом, образуя временную последовательность, на письме же она заменяется пространственной [10]. Однако при переходе от нелинейной структуры мышления к линейным последовательностям языка, говорящий оставляет «за скобками» значительную часть информации, которая не обретает эксплицитную форму. Это значит, что в процессе коммуникации часть смыслов (означаемое) не находит формального языкового выражения (означающее) в собственно высказывании, но зачастую приобретает имплицитный вид и требует дополнительных усилий в интерпретации. Такая коммуникация именуется *непрямой*, а центральным ее компонентом является имплицитность. Языковая диспропорция между означаемым и означающим неизбежно возникает при употреблении знака практически в любой коммуникативной ситуации, поскольку языковой знак не способен уместить в себе всю сущность передаваемого

сообщения без смысловых потерь. Однако под влиянием конкретного экстралингвистического контекста колеблется доля имплицитности высказывания [1].

Отметим, что феномен имплицитности охватывается не только, собственно лингвистическими науками, но и смежными областями знания. Так, наряду с лингвистикой психология, социология и политическая наука рассматривают неявные когнитивные процессы в качестве объекта, тем самым объединяясь в новое направление – имплицитная когнитивистика. Исследователь

Т.А. Подшибякина в своей работе, ссылаясь на зарубежных и отечественных психологов, социологов и логиков, дает краткий экскурс по истории возникновения имплицитной когнитивистики и подчеркивает значимость нового направления научной мысли для современных исследований, в частности, для политического дискурса. Ученый утверждает, что «основные исследования в неявном социальном познании демонстрируют, что мысли и чувства вне осознания или сознательного контроля могут влиять на восприятие, суждение и действие», а когнитивистика помогает моделировать и изучать исходные мотивы адресата через призму его речи [9].

Одной из областей, где коммуниканты наиболее склонны прибегать к иносказаниям и неоднозначности, является сфера политики и дипломатии, поскольку именно в процессе такого рода коммуникации реализуются тактики «сглаживания углов» и решения острых вопросов мягкими методами. Так, неоднородность плана содержания используется в прагматических целях, где оратор намеренно выносит за пределы высказывания побочную и добавочную информацию коммуникации, что вынуждает собеседника общаться на двух уровнях сразу. Такая коммуникация несет большую имплицативную нагрузку, осуществляемую за счет языковой асимметрии, а сама имплицитность выступает в роли орудия манипулирования [8].

Исходя из того, становится ли имплицитность объектом манипуляций, она рассматривается в двух формах: *непроизвольная* и *намеренная* (подтекст) [8]. *Непроизвольную* имплицитность зачастую связывают с понятием пресуппозиции – семантическим компонентом, репрезентирующим предварительное знание и

обеспечивающее наличие смысла, адекватности и логики в утверждении. Имплицитная информация в форме пресуппозиции представляет собой компонент смысла текста, не выраженный словесно, но подразумеваемый контекстом и рассчитанный на фоновые знания реципиента и его предшествующий опыт. Иногда такая информация представлена в эллиптической форме, т.е. с намеренным пропуском несущественных слов без искажения смысла сообщения, а часто и для усиления эффекта. Итак, прагматическая пресуппозиция является обязательным условием для того, чтобы высказывание стало полипропозитивным – т.е. обладающим проективной пропозицией, выводимой на базе основного значения и добавляемой к основной пропозиции буквального смысла

Намеренная имплицитность напрямую связана со стремлением говорящего скрыть, завуалировать и выразить свои интенции или оценку неявным, осторожным способом. Данный тип общения предполагает наличие стратегий речевого поведения, требующих оптимального и предусмотрительного выбора языковых средств. Подобные высказывания более всего характерны для политического и дипломатического дискурсов, когда коммуниканты осознанно выбирают непрямые формы выражения своих истинных интенция. Одним из очевидных проявлений такой стратегии поведения является феномен политкорректности, зародившийся в США и распространившийся по всему миру, став лейтмотивом дипломатии и толерантности и проникнув также в повседневную жизнь. Так, имплицатуры стали характерны для повседневной жизни, однако свой максимальный потенциал реализуют непосредственно в сфере политики и дипломатии.

Под имплицатурой в современной лингвистике понимают «буквальные аспекты значения и смысла, которые не определяются непосредственно конвенциональной структурой языковых выражений» [10]. Другими словами, имплицатура отражает подразумеваемые смыслы, которые реализуются в виде намеков. Среди характеристик имплицатур выделяют:

1) *зависимость от контекста* – любое имплицитное высказывание проясняется при наложении дополнительного контекста, определяющего направленность вуалируемой мысли;

2) *неотделимость от смысла высказывания* – при замены исходных компонентов высказывания на похожие по форме имплицатура сохраняется, поскольку она закреплена за результирующим смыслом, подобно устойчивому выражению;

3) *неконвенциональность* – отсутствие общей договоренности по декодированию тех или иных имплицатур, поскольку, подобно оттенкам цвета, их сочетание может складываться в непредсказуемы фигуры речи.

Поскольку при восприятии имплицитной информации адресату приходится не только расшифровывать знаки, но и делать на основе подтекста выводы из многочисленных субсмыслов, формирование навыков обнаружения имплицитной информации, закодированной в том или ином дискурсе, является ключевым для тех сфер, где имплицитность распространена более всего. Напротив, для кодирования имплицитной информации существует целый арсенал языковых – стилистических и лексико-грамматических – средств. Оратору помогают такие языковые средства, как *риторические фигуры, средства выразительности (тропы, эвфемизмы), языковые единицы с диффузной семантикой, язык намеков, интертекстуальные ссылки*. Все они прагматически маркированы, а потому несут в себе зерно имплицитности.

Об имплицитности и ее роли в риторических фигурах, в том числе и эвфемизмах, писал и К.А. Долинин, который утверждал, что тропы являются сигналом о присутствии аномалии в тексте, а следовательно, некой лакуны, подразумевающей имплицирование [2]

Одним из самых сильных имплицативных инструментов воздействия и манипулирования являются эвфемистические единицы, поскольку они создают положительную коннотацию предмета или явления, скрывая его негативные или нежелательные составляющие [3]. Эти свойства придают эвфемизмам широкий социальный характер, позволяя использовать их в языке рекламы, политики и дипломатии [5].

Первые толкования термина «эвфемизм» в энциклопедических источниках определяют его как «хорошую или выгодную интерпретацию плохого слова» («a good or favourable interpretation of a bad word») [8]. Однако в фокусе дипломатии

следует придерживаться иного определения эвфемизма, наиболее полно отражающего его социолингвистическую специфику: *«слово или выражение, которое употребляется для непрямого, прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято»* [14]. Эвфемизация является также и когнитивным феноменом, поскольку служит передаче неявных смыслов от сознания оратора к сознанию аудитории. Развитие эвфемии показывает, что в современном мире данный феномен находит все большее применение, поскольку обладает способностью вуалировать, скрывать имплицитную информацию, искажать смыслы и воздействовать на мнения.

Эвфемизация в рамках политического или дипломатического дискурсов позволяет сохранить и поддержать благоприятную атмосферу, избежать обострения ситуаций и дальнейших конфликтов. Поскольку эвфемизмы вуалируют смыслы и смягчают понятия, их считают неотъемлемой частью политкорректности – основы современной дипломатии [12]. Распространение эвфемистических единиц в политико-дипломатическом дискурсе дало толчок появлению такого нового интердискурсивного понятия, как *политическая эвфемия*.

Наиболее ёмкое, на наш взгляд, определение данного феномена дает исследователь А.Ю. Миронина: *«разновидность манипуляции, при которой происходит сдвиг прагматического фокуса и меняется характер восприятия денотата»* [6]. Следуя логике высказывания А.Ю. Мирониной, мы можем рассматривать политический эвфемизм, как полифункциональную единицу речи, чей прагматический потенциал дает возможность говорящему «маневрировать» и оперировать смыслами в собственных целях в рамках не прямой коммуникации.

Р.А. Сафина среди основных прагматических особенностей политических эвфемизмов выделяет не только смягчение, но и сознательное искажение фактов говорящим целью создать благоприятное впечатление и сгладить негативные ситуации, что зачастую граничит с дезинформацией [13]. В данном случае исследователь указывает на свойство эвфемизма, как прагматической единицы – аккумуляровать больше элементов смысла, чем быть способным выразить напрямую.

Психологическим и прагматическим направлениями в исследовании и систематизации эвфемизмов занимались такие ученые, как Л.П. Крысин,

А.М. Кацев, А.С. Куркиев, однако для нашего исследования наиболее актуальной является градация эвфемизмов, предложенная учеными

В.П. Москвиным и Е.И. Шейгал. Ученые выделяли группы эвфемизмов, разграничивая их по такому прагматическому основанию, как соотношение интенций говорящего и степени размытия содержания смысла. Выделенные ими группы можно объединить в следующую классификацию [7; 15] (здесь и далее примеры взяты из выступлений экс-канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера [16]):

Замена оценочного знака (интенсивность эмотивного компонента) – лексические замены с изменением отрицательного значения на нейтральное или положительное; снятие негативной коннотации:

Пример_1

«Schmerzhaften Geschichte» – «болезненная история»;

Говоря о мировых войнах, оратор сглаживает страшные события военного времени и называет этот период истории лишь «болезненным»;

Затемнение внутренней формы и размытие содержания – создание эффекта «напускания тумана», т.е. использование замысловатых обозначений, которые могут трактоваться неоднозначно или быть вовсе непонятны и пропущены в восприятии. Примечательно, что такие замысловатые выражения могут быть образованы словами, чьи отдельно взятые значения довольно просты для понимания:

Пример_2

«... in politischer Verantwortung Stehenden» – «находящиеся в политической ответственности»

Описательный перифраз – распределение смысла на большее количество слов с помощью изменения формулировки:

Пример_3

«In den Jahren nach 1945» – «в послевоенные годы»;

Автор избегает прямого упоминания войны, а потому «прячет» смысл за описательной конструкцией, что, однако, не было передано переводчиком на русский язык;

Метафорический перенос – перенос смысла на основе образа, что упрощает его восприятие и делает реципиента более уязвимым:

Пример_4

«...ist ein Eckpfeiler unser Politik» – «является краеугольным камнем нашей политики»;

Антонимичный перенос – перенос смысла на основе конструкции, где автор намеренно употребляет конструкции с противопоставлением или отрицанием, отвлекая внимание от сущности проблемы:

Пример_5

«...mit Russland nicht aussließen» – «...не исключая Россию»;

Метонимический перенос (включая категорию сближения) – перенос смысла на основе отношений части-целого, а также использование эвфемизмов, вызывающих ощущение приобщённости и причастности:

Пример_6

«Den Gesprächsfaden mit Moskau» – «линия диалога с Москвой»;

Метонимичный перенос на основе «часть-целое»;

Интенсивность признака или перефокусировка на другой признак, сужение объёма – преуменьшение масштабов нежелаемого путем использования лексем более узкого значения:

Пример_7

«Konfrontation» вместо «Konflikt»;

В ходе нашего исследования в эмпирических текстах суммарно было выявлено и проанализировано 342 эвфемистические единицы. Как показано на диаграмме «Классификация эвфемизмов по прагматическому основанию на основе эмпирического материала» (рис. 1), по прагматическому основанию эвфемизмы распределились следующим образом: в более ранней речи Г. Шрёдера доминируют эвфемизмы, затемняющие внутреннюю форму слова или словосочетания и

фокусирующие внимание реципиентов на других признаках, что отображает высокую интенсивность процесса эвфемии в речи оратора (данный факт объясняется тем, что данная речь была произнесена в период пребывания Г. Шрёдера на посту федерального канцлера ФРГ (1998–2005 гг.), что подразумевает большую осторожность в выборе выражений и не меньшую ответственность).

Рис. 1. Классификация эвфемизмов по прагматическому основанию на основе эмпирического материала

Более поздние речи характеризуются также высоким числом метафоричных и описательных эвфемизмов, что свидетельствует о том, что оратор тяготеет к образным субститутам и описательным конструкциями и полагается больше на собственное красноречие, чем на шаблонные вуалирующие конструкции. Это также отражает снижение формальной «напряженности» и большую свободу слова, что обуславливается сменой социально-политического статуса самого Г. Шрёдера. При этом доля эвфемизмов, размывающих содержание, все так же велика.

Обобщив полученные данные в диаграмму «Распределение эвфемизмов в зависимости от прагматического компонента» (Рис. 2) мы можем наблюдать, что наиболее частотными основаниями в рамках прагматики для эвфемизмов служат Затемнение внутренней формы (19%), Описательный перифраз (19%), за

которыми следуют Интенсивность признака и Метафорический перенос, каждый по 17% соответственно.

Рис. 2. Распределение эвфемизмов в зависимости от прагматического компонента

Таким образом, эвфемистические единицы обладают большим прагматическим, а следовательно, и имплицативным потенциалом. Они способны не только аккумулировать дополнительные субсмыслы, выражаемые имплицитно, но и смягчать и вуалировать основные элементы информации, привлекать внимание аудитории к нужным оратору фактам или действиям, что является явным преимуществом в политико-дипломатическом поле. При употреблении эвфемизмов смещается прагматический фокус изначального сообщения: внимание реципиентов рассеивается и привлекается только к определенным элементам смысла текста, вынося за пределы высказывания побочную и добавочную информацию коммуникации, что вынуждает собеседника общаться на двух уровнях сразу. Именно такие критерии и обуславливают непрямую коммуникацию и её важнейшую составляющую – имплицитность.

Список литературы

1. Асимметрия языкового знака // Язык как знаковая система особого рода: учеб. пособие. 2013 // Knigi.Link [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uchebnikfree.com/lingvistika_1407/asimetriya-yazykovogo-znaka-62939.html
2. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. – №6. – С. 37–46.
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия / А.М. Кацев – Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
4. Князева Е.Н. Нелинейная динамика сознания / Е.Н. Князева// Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. – 2013. – Т. 3. – С. 258–279.
5. Кубашичева С.К. Эвфемистические тенденции в современном английском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – С. 59–62.
6. Миронина А.Ю. Прагматический аспект перевода общественно-политических текстов/ А.Ю. Миронина, О.Н. Сибиряков // Вестник ВятГУ. – 2013. – №2–2. – С. 114–117
7. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В.П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – №3. – С. 58–70.
8. Никитина И.Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – №1. – С. 49–51.
9. Подшибякина Т.А. ИмPLICITная когнитивистика в политической науке: методологические возможности исследования идеологии // Политика и общество. – 2018. – №9. – С. 76–82. DOI: 10.7256/2454–0684.2018.9.27089
10. Принцип кооперации. Максимумы Грайса // Основы теории межкультурной коммуникации // Studme.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/127142/literatura/printsip_kooperatsii_maksimy_graysa

11. Приходько А.И. Имплицитность как способ скрытого оценивания / А.И. Приходько // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – №12. – С. 48–54.

12. Рубина Н.Б. «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2011. – №4. – С. 37–38.

13. Сафина Р.А. Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах / Р.А. Сафина // Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – №2 (36). – С. 51–57.

14. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 4. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

15. Шейгал Е.И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е.И. Шейгал // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сетенберг: сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 158–171.

16. Dresdner Rede 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gerhard-schroeder.de/2007/03/11/dresdner-rede/?highlight=dres%20rede>